

Причины этнического конфликта: построение социально-психологической типологии // Этнопсихология: вопросы теории и практики/ред. О.Е.Хухлаев. – М.:МГППУ, 2006. – Ч.1 – с.52-67

Необходимость изучения этнических конфликтов самым широким кругом специалистов представляется достаточно очевидной. Можно спорить то том, почему это происходит: то ли именно на исходе 20 века стали обращать большее внимание на межэтнические распри, или на самом деле количество социальных конфликтов на этнической почве стало неуклонно увеличиваться, однако вне зависимости от решения исследование данного феномена крайне важно для современной науки. Как отмечает В.И. Авксентьев¹ теоретические модели этнических конфликтов не просто возможны, они необходимы для эффективного прогнозирования их динамики и поиска выхода из них

Данная статья посвящена построению типологической модели причин этнического конфликта, основываясь на социально-психологическом подходе к анализу этнических феноменов. Главная проблема данного подхода заключается в том, что по справедливому замечанию Т.Г.Стефаненко «почти все психологические концепции разделяют социальные причины межгрупповых конфликтов и причины социальной конкуренции и враждебности, проявляющиеся в действиях и/или представлениях»². Первый вид причин («reason») связан с конфликтом интересов, второй же («cause») является собственно психологическим, в отличие от первого, изучение которого оставляется за этнологами и социологами. Однако в реальной феноменологии этнического конфликта эти причины никак не могут действовать обособленно. Вследствие этого «деление» двух частей единого целого между представителями различных наук представляется нам нецелесообразным. По нашему мнению, сохраняя акцент на одной из сторон конфликта, связанной с «cause» в психологические теории необходимо включать и сопредельные области, хотя бы с целью выстраивания взаимосвязей между двумя аспектами межэтнических отношений: психологическим и социальным.

Основываясь на данном положении, обратимся непосредственно к социально-психологическому анализу причин этнического конфликта. При ближайшем рассмотрении вопроса мы сталкиваемся с тем, что выяснение причин социальных явлений на уровне большой группы, к сожалению невозможно аргументировать по той простой причине, что классическая экспериментальная модель является в данном случае недействительной. Это происходит как вследствие отсутствия возможности ввести контролируемые переменные в процесс социального развития больших групп, так и в результате неясности для современной науки самого принципа их существования.

В таком случае мы можем говорить лишь о том, какая объяснительная модель существует в сознании участников того или иного этнического противостояния. Совмещая психологическую и социологическую терминологию мы можем исследовать процессы индивидуальной легитимизации социальных явлений, т.е. наполнения их личным смыслом и обратный процесс: экстерниоризацию смыслов вплоть до активных (и зачастую успешных) действий по навязыванию личных смыслов окружающим. Вследствие этого образуются коллективные смыслы, которые безусловно являются только процессом непрерывного взаимообмена представлениями между членами большой группы и не выступают как некие «сверхсмыслы», существующие вне участников группы.

Соответственно, базовым основанием для предлагаемой в настоящей статье типологии выступает традиционное разделение причин этнических конфликтов на психологические и социальные. Последние мы понимаем не только как классические

¹ Авксентьев В.И. Этническая конфликтология: проблемы становления. - Русский гуманитарный интернет-университет, 2001. <http://www.i-u.ru/biblio/archive/avxentev%5Fetnkonfprobstan/>

² Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.:Академический проект.1999. - с.260

конфликты интересов, а как этническое противостояние, которое вызвано потребностью в реализации чьего-либо интереса. Вслед за Л.Козером³ мы описываем данный вид конфликта как реалистический, имеющий своей целью достижение какого-либо результата, и возникающий вследствие того, что наилучшим средством достижения желаемой цели для акторов конфликта стало противостояние.

Психологически причины этнических конфликтов мы представляем в виде психологического напряжения, возникающего у членов группы, в сумме порождающего феномен «группового напряжения». С точки зрения Л.Козера данная причина относится к нереалистическому конфликту, целью которого является снятие напряжения и который возникает вследствие того, что конфликтная стратегия явилась наиболее доступным и адекватным ситуации способом снятия группового напряжения.

При этом мы считаем, что и та и другая причина не действуют отдельно друг от друга, только в сумме рождая этнический конфликт. Вследствие этого мы рассматриваем их как два аспекта зарождения этнического противостояния.

Основанием второго уровня для предлагаемой типологии является разделение существования человека на три уровня: личный (индивидуальный), групповой (социальный) и культурный. Соглашаясь, что выделение последнего уровня является достаточно спорным, мы обосновываем его согласием с позицией К.Гирца⁴ определяющего культуру как символическое выражение социального действия, а следовательно как смысл коммуникации, а не саму коммуникацию (социальный уровень).

Два основания: психологическое/социальное и личность/группа/культура взаимопересекаясь как показано в таблице 1 дают отдельные группы причин этнических конфликтов.

Таблица 1. Причины этнического конфликта

Уровень существования акторов	Причины	
	Социальная	Психологическая
Индивидуальный	Интересы отдельных личностей	Напряжение, вызванное личной ситуацией
Групповой	«Несовместимые» групповые интересы	Напряжение, вызванное групповой ситуацией
Культурный	«Несовместимые» культуры	Напряжение, вызванное распадом культурной «картины мира»

Рассмотрим отдельно три подвида **социальной причины** этнических конфликтов. Первый из них связан с **интересами отдельных личностей**, ведущих к возникновению противостояния на этнической почве. Мы можем выделить три возможных варианта интересов, отстаивание которых может приводить к конфликтной развязке: *власть, экономический и коммуникационный интерес*.

Власть – достаточно существенный интерес и ее достижению или сохранению в ряде случаев действительно может способствовать нарастание этноконфликтных процессов в обществе. Яркий пример этому – ситуация в Таджикистане в 90-х годах, где как внутри этническое противостояние так и межэтническая напряженность были спровоцированы борьбой за власть между представителями двух крупнейших кланов. Использование современных средств массовой информации позволяет достаточно быстро и успешно осуществлять этническую мобилизацию.

Приведем основные способы социального конструирования этнического конфликта с целью реализации властных интересов.

³ Козер Л. Функции социального конфликта. – М., 2000.

⁴ Гирц К. Интерпретация культур. – М.: РОССПЭН, 2004.

✓ **Объективация этнических групп и абсолютизация этнических границ.**

В этом случае об этнических группах начинают говорить как о живом человеке («они желают смерти нашему народу!»), при этом межгрупповые границы описываются как однозначные и не переходимые. Разделяющим маркером может становиться любой атрибут как физического так и социального: язык, форма носа, костюм и пр.

✓ **Рост этнической диспозиционной атрибуции**

В этом случае все происходящее в обществе объясняется этническим фактором. Как отмечает В.Малахов - "если, скажем, случилась стычка между двумя соседями по поводу чистоты мусоропровода, и если один из них - русский, а другой - азербайджанец, то, будучи пропущена сквозь призму этноцентристского мышления, эта стычка будет выглядеть не иначе как проявление межэтнической розни".⁵

Так «в средствах массовой информации, в профессиональном лексиконе правоохранительных органов и даже в научных публикациях часто используются понятия "этническая преступность" и "этнические преступные группы". Смысл этих выражений, похоже, не всегда ясен даже для тех, кто их использует; в общем он сводится к тому, что криминальная активность отдельных лиц и коллективов каким-то образом связана с их этнической принадлежностью».⁶

✓ **Распространение конфликтного дискурса.**

Большинство социальных противоречий начинают объясняться с помощью этнического фактора. Как отмечает А.Осипов в данном случае «любое социальное неравенство между этническими или расовыми группами, (м.б. существующее издавна) независимо от того, чем оно вызвано, интерпретируется как "институциональная дискриминация" или "институциональный расизм". Людей убеждают, что они дискриминированы – они убеждаются. Иными словами, социальные отношения переосмысливаются как отношения межгрупповые в этническом или расовом смысле»⁷

Экономический интерес является важнейшим в социальных процессах. Однако в реальности этнический фактор очень редко является напрямую связанным с экономическими успехами или неудачами. «Воображаемая» реальность этнического и объективная реальность экономики сущностно не являются связанными. Наблюдаемая их взаимосвязь, к примеру «кавказцы» на рынках столицы, является, во-первых вторичной, т.е. вызванной какими-то третьими факторами (это – одна из немногих возможных некриминальных работ для приезжих), во-вторых является зачастую ситуацией не конкуренции но взаимовыгодного сотрудничества. Так на Таймыре после распада системы северного завоза в начале 90-х свежие овощи появились только с момента переселения туда крупной азербайджанской диаспоры.

Коммуникационный интерес можно по-другому обозначить как «бытовой». Конфликты здесь могут возникнуть из-за противоречия повседневных привычек и особенностей поведения. Однако следует подчеркнуть, что если конфликт существует только на этом уровне, он чаще всего быстро разрешается самими противодействующими сторонами. Так в Ростовской области в одной казачьей станице, куда в значительном количестве переселились турки-месхетинцы также как и в Краснодарском крае стали сразу возникать конфликты. Один из самых значимых заключался в том, что турчанки целыми днями стирали у колонок свои ковры, мешая казачкам набирать воду и создавая «неприятную» обстановку вокруг. В связи с этим был созван казачий сход на котором приняли решение обсудить данную проблему с лидерами месхетинцев. Те же, услышав

⁵ Малахов В.. Скромное обаяние расизма и другие статьи. - М.: Модест Колеров и "Дом интеллектуальной книги", 2001

⁶ Осипов А. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс // Расизм в языке социальных наук. – Спб.:Алетейя,2002. – с.45-69.

⁷ Осипов А. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс // Расизм в языке социальных наук. – Спб.:Алетейя,2002. – с.45-69.

подобное объяснение, рекомендовали всем женщинам стирать ковры дома. Таким образом бытовой конфликт был разрешен и не перерос в серьезное межэтническое противостояние.

«Несовместимые» групповые интересы – второй подвид социальной причины этнических конфликтов. Можно выделить два варианта групповых интересов, противоречиями в которых наиболее часто атрибутируют этнические конфликты. Это территориальные и экономические интересы. Причем в отличие от личных экономических потребностей, групповые репрезентируются в первую очередь не как «мои» а как «наши» и соответственно индивидуальное материальное благополучие не оказывает влияние на возникновение данного интереса – ключевым моментом является значимость членства в группе, чьи экономические интересы «ущемляются».

Такого рода причины представляются наиболее значимыми в конфликте по мнению сторонников «теории реального конфликта», в первую очередь М.Шерифа.⁸ Однако ситуации, когда одна этническая группа может добиться своих интересов только подавив другую достаточно редки. Более того, теория «группового интереса» применяемая к конфликтам в малых группах (исследованием которых собственно и занимался М.Шериф), вряд ли может использоваться для анализа отношений больших социальных групп, в которых члены связаны не реальными межличностными отношениями, а воображаемой идентичностью. Вследствие этого групповой интерес в этнической группе будет являться скорее продуктом индивидуальных интересов того, кто репрезентирует «мнение группы», а не объективной совокупностью желаний всех членов этноса.

Так распространенные конфликтные представления «у нашего народа отнимают работу эти...» являются абсолютно нереалистическими по причине того, что они редко бывают напрямую объективно связаны как с официальной статистикой, так и с личными сложностями при устройстве на работу. Тезис о том, что в столице все рабочие места «позанимали приезжие» однозначно противоречит реальной практике заключающейся в невозможности устроиться приезжим на работу в любую сферу труда, кроме торговли и государственного образования. Естественно, что в реальности этнический конфликт никогда не улучшает экономическое состояние большой группы в целом.

Территориальные конфликты несколько более сложны. Их возникновение порождает смешение собственно территориальных интересов, заключающихся в стремлении жить и работать в данном месте, и желания считать это место «своим» то есть с потребностью в «присвоении» окружающего пространства путем распространении личности на окружающую среду. Именно последний аспект на наш взгляд является ключевым в территориальных этнических конфликтах. В свою очередь он тесно связан с идентичностью, поэтому перестает быть в чистом виде социальным и наполняется психологическим содержанием.

Третий подвид социальной причины этнических конфликтов - **«несовместимые» культуры**. Это очень частое объяснение происходящего в среде интеллектуалов, оперирующих квазиэтнологическими и поверхностными историческими знаниями, и в результате приходящих к выводу о «принципиальной несовместимости «кавказцев» и русских» по той причине что-де культура уроженцев гор склонна к насилию и исторически ее развитие противоречит российской культуре.

Однако проблема «несовместимости» как показывает современная психология является в большей степени мифологической, чем реальной. Это применимо и к культурным противоречиям. Более того, сама по себе культура не является «способом действия», противоречия в которых и рождают конфликт. Реальные действия акторов этнического противостояния являются лишь способами репрезентации культурных

⁸ см. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.:Академический проект,1999; Рубин Дж., Пруйт Д., Ким Хе Сунг. Социальный конфликт: эскалация, тупик, разрешение. – СПб.:Прайм-еврознак,2002; Агеев В.С. Психология межгрупповых отношений. –М.:Наука,1983.

конструктов. В таком случае, практически в любой потенциально конфликтной ситуации можно найти такие способы реализации культурных моделей контактирующих, которые не являются противоречащими друг другу. Так в среде советских управленцев в Средней Азии сосуществовали и активно реализовывались как «советская» культурная модель, характерная для выходцев из столицы, так и традиционная «восточная», репрезентируемая в большей степени национальной элитой.

В следствие этого можно сделать вывод о том, что культурная «несовместимость» является опять же продуктом социально конструирования, направленного на реализацию этноконфликтного дискурса с целью осуществления частных интересов отдельных акторов противостояния, в первую очередь, представителей элиты.

Далее перейдем к описанию *психологических* причин этнического конфликта, рассматривая их на трех выделенных уровнях (см. табл.1).

Первый подвид данной причины заключается в возникновении у людей **напряжений вызванных личными ситуациями**. В результате работы механизма отреагирования наиболее успешным путем сброса напряжения становится этнический конфликт.

Напряжения, потенциально способные привести к этническому противостоянию могут быть вызваны различными причинами. Обозначим три, на наш взгляд самые важные. Это базовая враждебность, фрустрация и психологическая травма.

Существование «базовых» т.е. *врожденных моделей человеческих взаимоотношений* является во многом спорной но достаточно распространенной идеей в психологии. В одном случае на первый план выдвигается идея биологической обусловленности межгрупповой агрессии, как в концепции «внутривидовой агрессии» К.Лоренца⁹. В другом случае причиной считается существование инстинктивных психологических побуждений (влечение к смерти по З.Фрейд, базовая тревога по К.Хорни), которые проецируются на внешний мир и, в частности, на чужую группу. В таком случае этнический конфликт является способом канализирования деструктивной энергии, существующей у каждого человека, не единственно возможным, но достаточно успешным и вследствие этого часто возникающим.

Теория *фрустрации* является одним из наиболее распространенных способов объяснения агрессивного поведения в любых ситуациях и в частности, в случае межэтнического противостояния. Фрустрация традиционно понимается как блокирование достижения желаемой цели, рождающее ответную враждебность, которая может проявляться как непосредственно в ситуации затруднения, так и отсроченно. Также важно, что энергия враждебности в ситуации фрустрации склонна к генерализации, т.е. распространению и на те стимулы, которые не связаны непосредственно с фрустрирующей фигурой, но так или иначе ассоциирующиеся с ней.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что если человек испытал фрустрацию от члена другой этнической группы, то он будет проявлять агрессивные действия по отношению к любому другому представителю этой группы. Однако следует подчеркнуть, что, как справедливо замечает Т.Г.Стефаненко¹⁰, в такой логике совершенно не учитывается групповой контекст. По нашему мнению, в отличие от личностной агрессивной реакции на фрустрацию, групповой ответ характеризуется слабой связанностью с изначальной фрустрацией.

Для вовлечения человека в этнический конфликт наиболее важным является не то, насколько он сам испытывает последствия фрустрации, а возникновение «мифа» о «насилии», которое было причинено группе. При этом конкретный не обязательно должен непосредственно подвергаться фрустрации. Для возникновения постфрустрационной враждебности достаточно субъективного самоощущения большинства членов этнической группы в целом, что «нас фрустрируют» - тогда это

⁹ Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). – М.:Прогресс, 1994.

¹⁰ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.:Академический проект,1999.

представление будет транслировано каждому члену этой группы, пусть даже и находящемуся на другой стороне земного шара. Так армяне, эмигрировавшие в США чувствовали не меньшую боль после геноцида в 20-х годах 20 века, чем непосредственные участники событий, так многие чеченцы, возможно даже в чем-то лично выигравшие от депортации после раскручивания этой темы в конце 80-х - начале 90-х годов ощущали ничуть не меньшую фрустрированность, чем их соотечественники реально пострадавшие от выселения.

Важным здесь является еще и то, что в этой ситуации человеку очень сложно отказаться от проявления насилия по отношению к символу былой фрустрации, ведь в данном случае она не является его личным выбором, а представляется групповой реакцией и соответственно отказ от подобного отреагирования может зачастую вести к спонтанной или навязанной утрате групповой идентичности. В этом случае человеку необходимо проявить сильный неконформизм, чтобы не быть вовлеченным в насильственные действия.

На наш взгляд кроме возникновения «мифа» о фрустрации пусковым механизмом этнического конфликта по данной схеме является комплементарный миф о «правильном отреагировании», т.е. о том, что именно конфликтный способ позволит сбросить накопившееся напряжение. Так в послевоенной Японии, фрустрированной сокрушительным поражением во второй мировой войне и крахом самурайской идеологии, произошел выбор неконфликтного канала отреагирования агрессии, что отразилось в колоссальном повышении производительности труда. Естественно, что на данный процесс накладывают сильный отпечаток и культурные особенности, однако нельзя исключать и влияние социального конструирования, в первую очередь посредством СМИ.

Представляется важным, что по сведениям В.Тишкова¹¹ в Чечне 1996-1998 года очень мало людей объясняло свой выбор – сражаться против «федералов», как ответную реакцию на выселение в 44г. Практически никто из интервьюируемых в то время не оправдывал войну как священную. Эту причину чаще всего выдвигали и выдвигают извне - она проще, понятнее и не предоставляет никаких вариантов конструктивного решения – ведь это «уже прошлое, а его не изменишь».

Психологическая травматизация также является распространенной объяснительной схемой для этнических конфликтов.

Наиболее ранние концепции данного подхода связаны с представлением о том, что межгрупповые конфликты являются результатом проекции на другие группы агрессивного отношения к отцу, возникающего вследствие эдипова комплекса, т.е. «эдиповой травмы». «Отсюда и непреодолимое желание воевать – отмечает Дж.Кэмпбелл: - побуждение уничтожить отца постоянно трансформируется в общественно значимое насилие»¹². В отличие от представлений о «базовой враждебности» здесь возникновение конфликтных потенциалов непосредственно зависит от особенностей развития и в первую очередь от конструктивного или деструктивного разрешения эдипова комплекса.

Несмотря на определенную маргинальность психоаналитических подходов к рассмотрению социально-психологических проблем, мнение о том, что к примеру тоталитаризм является травмирующим для общества фактором является достаточно распространенным. Соответственно мы можем говорить о том, что социальные процессы в ряде случаев приводят к возникновению у многих членов общества психологических травм схожего характера. Основным механизмом «самолечения» вне зависимости от специфики травм является отреагирование возникающего из-за них напряжения с помощью использования механизма проекции. Таким образом, субъект травмы переносится вовне личности, что потенциально является «благоприятным» так как

¹¹ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. — М.:Наука,2001.

¹² Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. — М.,Киев, 1997. — с.150.

внутриличностные конфликты порождают существенно большую тревогу, чем конфликты межличностные.

Возникновение социально приемлемого канала отреагирования внутренней деструктивности в межгрупповом и, в частности, в межэтническом пространстве приводит к возникновению этнических конфликтов. По мнению М.Габашвили «деструктивность в равной мере характеризует все противостоящие стороны вооруженного столкновения в Абхазии (1992-1993). Так одна из ветвей движения за национальную независимость Грузии, что она по горькой иронии была прозвана "национально-разрушительной" (игра слов, основанная на фонетическом сходстве: "дамоукидебели" - независимый, "дамангревели" - разрушительный). Вербальным выражением деструктивных и самоуничтожающих импульсов можно считать широко распространенные в то время лозунги с явно суицидной угрозой: "смертельная голодовка", "бессрочная голодовка", "перманентная голодовка" и так далее. При этом объектом деструктивного стремления выступает не внешняя сила, а сам субъект действия»¹³.

Ярким примером здесь может служить абсолютно нерациональная попытка народного фронта Молдавии в 1992 году объявить войну Российской Федерации, отчасти поддержанная президентом М.Снегуром, единственно возможной интерпретацией которой может быть только спонтанное отреагирование в данном акте деструктивной энергии авторов этого предложения.

Концепция «авторитарной личности» Т.Адорно на наш взгляд также является одним из вариантов изучения взаимосвязи личностной травматизации и социального взаимодействия. В современной психотерапии доказано, что амбивалентный стиль воспитания, который по мнению Т.Адорно и его коллег лежит в основе развития «авторитарных» качеств¹⁴, является причиной наиболее тяжелых психологических травм, связанных с развитием.

Таким образом распространенность среди членов группы различного рода психологических травм порождает возникновение у них психологического напряжения на уровне группы интерпретируемого как групповое напряжение. Посредством механизма проекции и способствующего ему социального конструирования негативные эмоции, связанные с данным напряжением, переносятся на подходящую аутгруппу, тем самым приводя к возникновению этнического конфликта в случае если объект проекции определяется по этническому признаку.

Второй подвид психологической причины этнических конфликтов связан с **напряжениями, вызванными групповой ситуацией**. Таких ситуаций, которые в обязательном порядке приводят к возникновению значимого напряжения у подавляющего большинства своих членов можно выделить всего две. Это групповая депривация и кризис этнической группы.

Остановимся подробнее на первом варианте. *Групповая депривация* отнюдь не означает, что в результате каких-либо действий все члены группы однозначно испытывают депривацию каких-либо своих потребностей. По нашему мнению можно говорить лишь про депривацию тех потребностей, которые связаны с существованием группы. Наиболее базовая из них – потребность в позитивной идентичности, при переносе на групповой уровень репрезентируемая как потребность в признании. То есть групповой депривацией может являться только такая ситуация в которой события, происходящие с группой не могут дать ее участнику реализовать потребность в позитивной идентичности. Так, «гонения» со стороны большинства могут интерпретироваться меньшинством как

¹³ Габашвили М. К психологическому анализу конфликта (на примере вооруженного конфликта в Абхазии). - http://www.geocities.com/abkhazia_dream/public/10.htm

¹⁴ Адорно Т. Исследование авторитарной личности. – М., 2001.

подтверждение «избранности» а значит они будут только усиливать ощущение «признанности», редуцируя возможность насильственного противостояния.

Для социального взаимодействия важно, что люди готовы платить высокую цену для того, чтобы выиграть в символическом плане идентичности, чтобы способствовать ее укреплению. Чаще всего это происходит когда, исходя из сегодняшних субъективных представлений большинства, в прошлом этническая идентичность подвергалась ущемлению. Роль потребности в признании, осуществляемой чаще всего посредством действий, носящих символический смысл крайне велика в современных этнических противостояниях. Одним из ведущих символов «преодоления ущемленности» является оппозиция «независимость-территориальная целостность», оба полюса которой представляются нам взаимозаменяемыми конструктами одной мифологической системы.

Ярким примером того, что именно символические, а не реальные мотивы чаще всего лежат в основе зарождения этнического конфликта является начало грузино-абхазского противостояния. Так в романе Д.Зантария «Золотое колесо» описывается внезапная встреча абхаза-рецидивиста и грузинской танковой колонны.

«Он вышел из машины и подошел к танку.

- *Учения идут? – спросил танкиста по грузински Ника.*
- *Ты грузин? – обратился к нему парень с вопросом на вопрос.*
- *Нет, абхаз.*

Пауза. Боец с застенчивым любопытством изучал абхаза, который и зубами не клацал, и по грузински говорил.

- *Восстанавливаем территориальную целостность Грузии, - успокоился и объяснил он.*

Ника не понял.

- *Войной пошли на нас?*
- *Почему сразу войной?! Выпьем воды из древней грузинской реки Псоу и вернемся. Святой отец тоже с нами едет, - сказа боец, поправляя на голове шелом.*

В этот поход, действительно, грузинские отряды доехали до Псоу, пограничной реки между огромной Россией и маленькой Абхазией, поп освятил воду реки, бойцы из нее шеломами почерпали, и армия вернулась в Тбилиси без конфликтов»¹⁵.

Этнические конфликты в значительной мере представляют собой именно конфликты признания. Индивиды, чувствуя себя дискриминированными на основании своей этнической принадлежности, вступают в борьбу за признание, причем символическое измерение этой борьбы имеет едва ли не большую важность, чем практическая польза. В этом случае даже реальная фрустрация рассматривается в первую очередь символически – как дискриминация, соответственно пути снятия напряжения выбираются такие же – действия, направленные на получение символической выгоды.

Вследствие этого естественно, что «в конфликтном дискурсе наиболее частотными выражениями выступают "достоинство", "гордость", "честь" (с предикатами "национальное" и "национальная"). Ущемление достоинства может лежать в бытовой плоскости (например, отказ в трудоустройстве), но во многих случаях оно находится именно в плоскости признания. Так, для русских жителей Молдавии неприемлемым было объявление молдавского языка единственным государственным языком. Многие аналитики согласны в том, что провозглашение молдавскими властями официального двуязычия могло бы предотвратить конфликт в Приднестровье или по крайней мере лишить его такой интенсивности, какую он имел в 1992 г»¹⁶.

Ситуацию «групповой депривации» М.М.Решетников представляет в виде «травмы большой группы», определяя ее как наличие в истории этноса массового (национального) унижения, вследствие чего «через какой-то достаточно длительный

¹⁵ Зантария Д. Колхидский странник. – Екатеринбург:У-Фактория, 2002. – с.206.

¹⁶ Малахов В. Символическое производство этничности и конфликт. // Язык и этнический конфликт. – М.:Гэндалф, 2001.

период (десятилетия и даже столетия) могут «вызреть» те или иные ложные идеи (или идеи отношения), которые, при наличии сопутствующих условий (дополнительных негативных экономических, социальных или политических факторов), затем превращаются в непоколебимую убежденность конкретного народа или этнической группы в своей правоте, избранности Богом, а также — в особой мессианской роли в сочетании с идеями гордости, величия и самопожертвования во имя искупления или отмщения, при этом такая «мессианская роль» может приобретать самые жестокие формы реализации»¹⁷.

Вследствие работы психологических механизмов, направленных на межпоколенную трансляцию переживаний¹⁸ основной задачей социализации в обществе зачастую становится поддержание памяти о травме предков, которое «постоянно (на протяжении десятилетий и столетий) укрепляет особую идентичность той или иной (ранее подвергшейся массовой или исторической травматизации) большой группы... И в ситуациях, когда такой (травмированной) большой группе угрожает новый этнический, национальный, экономический, политический или религиозный кризис, ее лидеры (интуитивно или осознанно) обращаются именно к этой «избранной травме», обладающей особым потенциалом для достижения эмоциональной (-национальной) консолидации большой группы (всегда гораздо более мощной, чем любая идеологическая)»¹⁹.

Таким образом «групповая депривация» существующая в символическом пространстве оказывает влияние на реальную коммуникацию и выступает в качестве значимого фактора, опосредующего в том числе и межэтнические отношения. При всем при этом следует подчеркнуть, что значение символического фактора в насильственном противостоянии крайне слабо изучено и требует более глубокого анализа.

Отметим, что рассмотренное выше относилось к последствиям групповой депривации, т.е. носило реактивный характер. Но нельзя отрицать, что на зарождение этнического конфликта влияет также предвосхищаемая ситуация и соответственно предположение о возможной депривации реализации групповых потребностей.

Так по мнению М.Габашвили одна из внутренних причин конфликта в Абхазии заключалась в том, что проявление грузинами чувств родственности к абхазам вызвало обратную реакцию с их стороны и послужило «поводом возникновения у них потребности "защиты" своей идентичности путем стремления к другому, более отличающегося от себя народу, где схожесть внешности, имен, традиций просто исключается. Желание скрыться от этого наваждения похожести во всем - даже во внешности и именах - бесплодное желание убежать от "самих себя" и порождает противоестественное стремление "всеми фибрами" влиться в другую, чужую страну».²⁰

В этом случае как боязнь «навязчивой родственности» так и заявления многих грузинских политиков о «восстановлении территориальной целостности» послужили причиной возникновения у значительной части абхазов представлений о возможной групповой депривации, что и было побудительным механизмом для «превентивных» ответных мер, агрессивного характера.

Кризис любой, в том числе *этнической, группы* традиционно понимается как распад группового канона. В ряде случаев он интерпретируется как дисфункциональный

¹⁷ Решетников М.М. Клинический метод в изучении и разрешении межнациональных конфликтов. – Web-кафедра философской антропологии. <http://anthropology.ru/ru/texts/reshet/paranoia.html>

¹⁸ Подробнее об этом см.: де Гольжак В. История в наследство: семейный роман и социальная траектория. – М.: Институт психотерапии, 2003.; Хеллингер Б. Порядки любви: разрешение семейно-системных конфликтов и противоречий. - М.: Институт психотерапии, 2001.; Штуценбергер А. Синдром предков. - М.: Институт психотерапии, 2002.

¹⁹ Решетников М.М. Клинический метод в изучении и разрешении межнациональных конфликтов. – Web-кафедра философской антропологии. <http://anthropology.ru/ru/texts/reshet/paranoia.html>

²⁰ Габашвили М. К психологическому анализу конфликта (на примере вооруженного конфликта в Абхазии). - http://www.geocities.com/abkhazia_dream/public/10.htm

внутригрупповой конфликт²¹, т.е. способный привести к распаду группы по причине того, что он происходит по поводу базовых ценностей, лежащих в основе групповой структуры.

Главным последствием вхождения группы в кризисное состояние будет с одной стороны снижение социального контроля, а с другой – мобилизация групповых ресурсов на борьбу с критическим состоянием. И тот и другой процессы могут приводить к возникновению этнического противостояния.

С позиций аналитической психологии, а именно концепции архетипов К.Г.Юнга²², снижение социального контроля можно рассматривать как разрушение «Персоны», группы т.е. снижение однозначности представлений о социально приемлемом поведении и последующим распространением «Теневых» т.е. антисоциальных (с точки зрения ранее существовавшего группового канона) моделей поведения. На весьма образном языке аналитической психологии такой феномен носит название «одержимость Тенью».

Подобная интерпретация причины этнических конфликтов, хотя и без употребления аналитической терминологии достаточно распространена. Следующее высказывание по поводу конфликта в Чечне приводит В.А.Тишков. *«Я думаю, что эта война как взбаламученное болото выбросила наружу всех гадин и выползшей...Лукавый сидит в каждом человеке, а всякий бунт или другая катавасия снимает преграды в каждом человеке. Вот и получается бесовская круговерть»*²³. Основная причина данного феномена состоит в резком ослаблении значения для большинства людей представления о «правильном», т.е. социально одобряемом поведении, которое является значимой частью группового канона и, соответственно, «терпит бедствие» в результате кризиса группы.

Усугубляющим ситуацию фактором является предшествующее накопление «теневого» энергии, возникающее вследствие того, что ранее самое незначительное выражение деструктивных переживаний жестко подавлялось механизмами социального контроля группы, так как вступало в противоречие с канонами. При этом наблюдается прямая зависимость, четко выраженная на уровне отдельной личности – чем более однозначен и абсолютен для исполнения групповой канон, тем могущественней потенциал его разрушения за счет высвобождения «теневого» психической энергии.

Итак, можно сказать, что снижение социального контроля на уровне отдельной личности тесно связано с возникновением «одержимости теневыми импульсами», в свою очередь приводящей к росту деструктивности, зачастую канализируемой в форме этнического противостояния.

Второе последствие кризиса группы, - мобилизация групповых ресурсов на борьбу с критическим состоянием, - чаще всего сводится к поиску подходящих путей канализирования агрессивных импульсов, которые при этом содействуют сплочению группы. Здесь действует общеизвестный механизм проекции собственной деструктивности на аутгруппу

В этом случае внутриэтнический конфликт трансформируется в межэтнический посредством возникновения «образа врага». Так В.Тишковым приводится описание событий в Чечне начала 90-х, когда в городе стали собираться зикры – национальные ритуальные танцы *«Ноги сами так и несли тебя в круг зикра. И сами зикристы и мы готовились к встрече с врагом. Но кто этот враг, по-моему никто не понимал. Просто все думали, что где-то есть враг, и против него все становились как одно целое. Кто этот враг – я тогда не понимал – не то Завгаев, не то русские. Может, тогда это не*

²¹ Козер Л. Функции социального конфликта. – М.,2000, Лурье С.В. Историческая этнология. - М.:Аспект-пресс, 1997.

²² Юнг К.Г. Психология бессознательного. – М.,1994; Сэмюелс Э.Юнг и постюнгианцы. Курс юнгианского психоанализа. –М.:ЧеРо,1997.

²³ Тишков В.А. Теория и практика насилия //Антропология насилия. – М.:Наука, 2001. - С.30.

имело значения. Но от сознания, что этот враг есть все чеченцы становились как одно целое»²⁴.

Естественно, что материал для проекции деструктивной энергии члены этнической группы получают в настоящее время преимущественно из средств массовой коммуникации. Посредством сознательной или неосознанной манипуляции социально-историческими фактами представители политической и интеллектуальной элиты содействуют конструированию целостного образа предполагаемого противника.

Причем осознание что происходящее – результат внутреннего кризиса – зачастую присутствует и в самой группе. Это ярко видно из высказываний чеченцев, участвовавших в боевых действиях еще после первой войны.

«Это была самая грязная, самая преступная и отвратительная война из всех войн о которых мне доводилось читать ..Здесь человек чужой народу и по происхождению и по воспитанию и по образу жизни и по языку сумел, подобно сирене увлечь, оглушить, обольстить и обмануть большую часть народа. Он увлек его за собой подобно крысолову из сказки и топил его в собственной крови. Он закапывал его под обломками собственных жилищ»²⁵.

Напряжение, вызванное распадом культурной «картины мира» в предлагаемой типологии является третьим подвидом психологической причины этнического конфликта.

Положение о том, что культура структурирует на самом глубоком уровне индивидуальную «картину мира» каждого человека является общепринятым в современных социальных науках.²⁶ Различия существуют лишь в определениях механизмов данного влияния и взаимосоотнесенности понятий «культура» и «личность».

В нашей ситуации этот вопрос не является ключевым. В любом случае во время резких изменений в культуре у большинства людей как следствие происходит утрата ориентиров, и соответственно они становятся практически неспособными, за отсутствием подходящих моделей, осознать сочетание своих прав и обязанностей. Возникает своего рода «идейное замешательство», поскольку привычные образы порядка или теряют актуальность, или оказываются дискредитированы.

Таким образом распад культуры с неизбежностью ведет к необходимости индивидуальных изменений в картине мира каждого члена группы, что естественно рождает напряжение – настолько сильное, насколько значимыми оказываются перемены. Данное напряжение, так как оно охватывает значительно число членов одной этнической группы, зачастую легко может быть канализировано в сторону этнического противостояния, более того, сам этнический конфликт в этом случае может стать элементом культуры, выполняющим свою функцию в общей культурной системе групп, как это произошло в Палестине и Израиле.

Итак, завершив описание второй, психологической причины этнического конфликта перейдем к рассмотрению системной динамики обеих причин этнического противостояния. Общая схема их взаимодействия по нашему мнению может быть представлена в следующих положениях:

- Реальный конфликт всегда является суммой социальных и психологических причин.
- Ни одна из них не является первичной, однако наблюдая со стороны общества наиболее заметны именно социальные причины, а со стороны личности – психологические.
- Внутренняя динамика каждой из причин также является суммативной. Так реальный уровень напряжения в группе будет являться следствием совокупного

²⁴ Тишков В.А. Теория и практика насилия //Антропология насилия. – М.:Наука, 2001. – С.25.

²⁵ Тишков В.А. Теория и практика насилия //Антропология насилия. – М.:Наука, 2001. –С.18.

²⁶ Белик А.А. Культура и личность.- М.:РГГУ, 2001; Лурье С.В. Психологическая антропология - М.:Академический проект, 2003; Мацумото Д. Психология и культура. - СПб.:Прайм-еврознак,2002.; Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.:Академический проект,1999. и др.

действия факторов на уровне личности, социальных взаимодействий и культуры. В свою очередь значимое влияние социальной причины возможно только при наличии и личных корыстных интересов представителей элиты и различного рода индивидуальных интересов по поводу группы («групповых интересов») значительной части ее членов.

- Психологическое напряжение, возникающее в группе, либо проявляется в спонтанных внутригрупповых деструктивных действиях, либо направляется с помощью СМИ в сторону этнического противостояния. В свою очередь процесс канализирования напряжения с помощью социальных механизмов «реализации интересов» зачастую рождает напряжения нового вида, также требующие «выхода». Таки образом процесс взаимовлияния психологической и социальной причин этнического конфликта можно характеризовать как двусторонний и взаимоопосредованный.
- Ведущим побудительным стимулом к тому, чтобы психологическое напряжение в группе посредством социального конструирования было канализировано в сторону этнического противостояния является субъективное ощущение групповой депривации по этническому признаку. В ином случае массовая социальная мобилизация практически невозможна и межэтническая напряженность будет затрагивать только маргинальные слои группы.

В заключение отметим, что предложенная модель является лишь интерпретативной схемой, отнюдь не претендующей на абсолютно достоверное описание реальности, но может быть полезна для решения разного рода как теоретических так и практических задач в крайне проблемной и в то же время крайне важной для современной науки области – этнической конфликтологии.

Список литературы

1. Авксентьев В.И. Этническая конфликтология: проблемы становления. - Русский гуманитарный интернет-университет, 2001. <http://www.i-u.ru/biblio/archive/avxentev%5Fetnkonfprobstan/>
2. Агеев В.С. Психология межгрупповых отношений. –М.:Наука,1983.
3. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. – М.,2001.
4. Белик А.А. Культура и личность.- М.:РГГУ, 2001
5. Габашили М. К психологическому анализу конфликта (на примере вооруженного конфликта в Абхазии). - http://www.geocities.com/abkhazia_dream/public/10.htm
6. Гирц К. Интерпретация культур. – М.:РОССПЭН,2004.
7. де Гольжак В. История в наследство: семейный роман и социальная траектория. – М.: Институт психотерапии, 2003.
8. Зантария Д. Колхидский странник. – Екатеринбург:У-Фактория, 2002. – с.206.
9. Козер Л. Функции социального конфликта. – М.,2000.
- 10.Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. – М.,Киев, 1997. – с.150.
- 11.Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). – М.:Прогресс, 1994.
- 12.Лурье С.В. Историческая этнология. - М.:Аспект-пресс, 1997.
- 13.Лурье С.В. Психологическая антропология - М.:Академический проект, 2003
- 14.Малахов В. Символическое производство этничности и конфликт. // Язык и этнический конфликт. – М.:Гэндалф, 2001.
- 15.Малахов В.. Скромное обаяние расизма и другие статьи. - М.: Модест Колеров и "Дом интеллектуальной книги", 2001
- 16.Мацумото Д. Психология и культура. - СПб.:Прайм-еврознак,2002.
- 17.Осипов А. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс // Расизм в языке социальных наук. – СПб.:Алетейя,2002. – с.45-69.
- 18.Решетников М.М. Клинический метод в изучении и разрешении межнациональных конфликтов. – Web-кафедра философской антропологии. <http://anthropology.ru/ru/texts/reshet/paranoia.html>
- 19.Рубин Дж., Пруйт Д., Ким Хе Сунг. Социальный конфликт: эскалация, тупик, разрешение. – СПб.:Прайм-еврознак,2002;
- 20.Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.:Академический проект.1999.
- 21.Сэмюелс Э.Юнг и постюнгианцы. Курс юнгианского психоанализа. – М.:ЧеРо,1997.
- 22.Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. — М.:Наука,2001.
- 23.Тишков В.А. Теория и практика насилия //Антропология насилия. – М.:Наука, 2001. -С.18.
- 24.Хеллингер Б. Порядки любви: разрешение семейно-системных конфликтов и противоречий. - М.: Институт психотерапии, 2001.
- 25.Штуценбергер А. Синдром предков. - М.: Институт психотерапии, 2002.
- 26.Юнг К.Г. Психология бессознательного. – М.,1994

